

БОГ
НЕ
ЛЮБОВЬ

КАК РЕЛИГИЯ ВСЕ ОТРАВЛЯЕТ

Christopher Hitchens

GOD
IS NOT
GREAT

HOW RELIGION POISONS EVERYTHING



NEW YORK BOSTON

Кристофер Хитченз

БОГ
НЕ
ЛЮБОВЬ

КАК РЕЛИГИЯ ВСЕ ОТРАВЛЯЕТ

Перевод с английского



Москва
2011

УДК 299.2
ББК 86.7
Х52

Переводчик Константин Смелый
Редактор Роза Пискотина

Хитченз К.

Х52 Бог не любовь: Как религия все отравляет / Кристофер Хитченз ; Пер. с англ. — М.: Альпина нон-фикшн, 2011. — 365 с.

ISBN 978-5-91671-092-2

Для Кристофера Хитченса, одного из самых влиятельных интеллектуалов нашего времени, спор с религией — источник и основа всех споров, начало всей полемики о добродетели и справедливости. Его фундаментальные возражения против веры и непримиримость со всеми главными монотеизмами сводятся к неумолимой убежденности: «Религия отравляет все, к чему прикасается». Светский гуманист Хитченс не просто считает, что нравственная жизнь возможна без религии, но обвиняет религию в самых опасных преступлениях против человечности. Российский читатель, во всем его мировоззренческом и поколенческом многообразии, имеет возможность согласиться или поспорить с доводами автора, в любом случае отдавая должное блеску его аргументации, литературному таланту, искренности и эрудиции.

УДК 299.2
ББК 86.7

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, а также запись в память ЭВМ для частного или публичного использования, без письменного разрешения владельца авторских прав. По вопросу организации доступа к электронной библиотеке издательства обращайтесь по адресу lib@alpinabook.ru.

ISBN 978-5-91671-092-2 (рус.)
ISBN 978-0-446-57980-3 (англ.)

© Christopher Hitchens, 2007
© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Альпина нон-фикшн», 2011

Содержание

<i>Глава первая</i>	
Мягко говоря	7
<i>Глава вторая</i>	
Религия убивает	23
<i>Глава третья</i>	
Немного о свиньях, или Почему бог так не любит ветчину.....	51
<i>Глава четвертая</i>	
Религия опасна для вашего здоровья	58
<i>Глава пятая</i>	
Нищета религиозной метафизики.....	83
<i>Глава шестая</i>	
Доказательство от целесообразности	95
<i>Глава седьмая</i>	
Откровение: кошмар «Ветхого» Завета.....	126
<i>Глава восьмая</i>	
«Новый» Завет почище «Ветхого»	140
<i>Глава девятая</i>	
Коран — плагиат иудейских и христианских мифов.....	159

СОДЕРЖАНИЕ

Глава десятая

Балаганные чудеса и закат преисподней.....178

Глава одиннадцатая

Мутные истоки религии 197

Глава двенадцатая

Кода, или Как религии умирают 215

Глава тринадцатая

Делает ли религия людей лучше? 220

Глава четырнадцатая

Не ищите света с Востока 247

Глава пятнадцатая

Религия как первородный грех 259

Глава шестнадцатая

Является ли религия
надругательством над детьми?..... 273

Глава семнадцатая

Предвижу возражение, или Последний козырь
против светского мировоззрения..... 289

Глава восемнадцатая

Сопrotивление разума 320

Глава девятнадцатая

Заключение: нам нужна новая эпоха
Просвещения..... 349

Алфавитный указатель..... 359

Мягко говоря

Если читатель, которому адресована эта книга, не удовлетворится простым несогласием с автором и начнет выяснять, какие грехи и пороки подвигли меня взяться за перо (а мой опыт подсказывает, что проповедники милосердия, сострадания и великодушия часто действуют именно таким образом), он не только бросит вызов непостижимому и совершенному творцу, который, надо полагать, сознательно сделал меня таким. Он осквернит память доброй, честной и простодушной женщины по имени миссис Джин Уоттс, чья вера была непоколебима и чиста.

Когда мне было лет девять и я ходил в школу на окраине Дартмура на юго-западе Англии, в обязанности миссис Уоттс входило посвящать меня в тайны природы и Священного Писания. Она водила меня и моих одноклассников на прогулки по особенно чудесному уголку моей прекрасной родины и учила нас названиям птиц, деревьев и трав. Неожиданное богатство, скрытое в живой изгороди; волшебная горстка яиц в причудливом гнезде; спасительный щавель, который всегда оказывался под рукой, если наши ноги обжигала крапива (нам полагалось ходить

в шортах) — все это осталось в моей памяти, как и тот «музей егеря», где местные крестьяне выставляли на показ тушки крыс, хорьков и других мелких хищников, поставляемых, надо полагать, менее добрым божеством. Если вы читали бессмертную деревенскую лирику Джона Клэра, вы узнаете очарование, которое я пытаюсь передать.

Потом, на уроках, нам вручали листок с печатным текстом, озаглавленный «Знатоки Писания» и рассылавшийся министерством, которое отвечало за преподавание религии. (Как и ежедневные молитвы, это входило в обязательную программу и насаждалось государством.) Листок содержал избранный стих из Ветхого или Нового Завета, и нашей задачей было отыскать этот стих и рассказать классу или учителю, устно или письменно, о чем там речь и в чем мораль. Я обожаю это упражнение и так в нем преуспел, что (подобно Берти Вустеру) нередко оказывался лучшим «знатоком Писания». Для меня это стало введением в критический анализ. Я читал все главы, которые предшествовали заданному стиху, и все главы, следовавшие за ним, чтобы правильно понять его «смысл». Я и сейчас могу это сделать, к великому неудовольствию некоторых моих противников, и до сих пор испытываю уважение к тем, чей стиль пренебрежительно называют «всего лишь» талмудическим, кораническим или «фундаменталистским». Такие упражнения полезны для интеллекта и литературных навыков.

Однако в один прекрасный день бедная милая миссис Уоттс переусердствовала. Стремясь соединить роль учительницы природоведения с ролью наставника в Писании, она сказала: «Посмотрите, ребята, как велик и щедр Бог. Он сделал все травы и деревья зелеными,

потому что именно зеленый цвет наиболее приятен нашим глазам. Вообразите, как было бы ужасно, если бы вся растительность была красной или оранжевой».

И чу, полюбуйтесь, что натворила эта богобоязненная старая калоша. Мне нравилась миссис Уоттс: она была бездетной вдовой, любящей детей, и жила вместе с ласковой старой овчаркой, которую звали Ровер, и после уроков она приглашала нас на сладости в свой слегка обветшалый дом у железной дороги. Сатана — если это он избрал ее, чтобы совратить меня с пути истинного, — был намного изобретательней, чем коварный змей из садов Эдема. Миссис Уоттс никогда не повышала голоса и не прибегала к рукоприкладству — в отличие от некоторых других учителей — и, в целом, была одним из тех людей, о которых писала Джордж Элиот в «Миддлмарче»: если «дела у нас с вами не так плохи, как могло бы стать», это «наполовину заслуга тех, кто достойно прожил свою неприметную жизнь и лежит на забытом погосте».

Тем не менее в тот день слова миссис Уоттс ужаснули меня. Ремешки моих сандалий скукожились от стыда за нее. В своем девятилетнем возрасте я не имел никакого представления ни о телеологическом доказательстве бытия Божия, ни о теории Дарвина, его сопернице, ни о связи между фотосинтезом и хлорофиллом. Тайны генетики были так же сокрыты от меня, как были они сокрыты в то время от всех остальных. Тогда я еще не наблюдал картин природы, в которых почти все пропитано омерзительным равнодушием или враждебностью к человеческой жизни, если не к жизни вообще. Я просто знал, словно у меня был прямой доступ к высшему авторитету в этом вопросе, что моя учительница двумя предложениями умудрилась

поставить все с ног на голову. Я знал, что глаза были приспособлены к природе, а не наоборот.

Не стану притворяться, что помню это озарение во всех подробностях, но какое-то недолгое время спустя я начал замечать и другие несуразности. Если все на свете создал бог, почему мы должны непрестанно «восхвалять» его за то, что не стоило ему особого труда? В этом, по меньшей мере, было какое-то подобострастие. Если Иисус мог исцелить любого слепца, который попадался ему на пути, почему бы не исцелить всех слепых сразу? Чем было так уж замечательно его изгнание демонов, если те переселились в стадо свиней? В этом было что-то злое, похожее на черную магию. К чему все эти постоянные, ни к чему не ведущие молитвы? Почему я должен снова и снова публично повторять, что я несчастный грешник? Почему тема секса была такой взрывоопасной? Эти робкие, детские сомнения, как я обнаружил позднее, посещают очень многих, отчасти потому что ни одна религия не дает на них удовлетворительного ответа. Но пришло время и более серьезных возражений. (Я говорю «пришло время», потому что такие возражения не только непреодолимы, но и неизбежны.) Директор школы — он проводил наши ежедневные службы и молитвы и держал Библию, а также был немного садистом и скрытым гомосексуалистом (я давно его простил, потому что именно он пробудил во мне интерес к истории и одолжил мне моего первого Вудхауза), — как-то раз произносил нравоучительную речь. «Сейчас, может быть, вам непонятно, зачем нужна вся эта религия, — сказал он нам. — Но однажды, когда начнут умирать ваши близкие, вы все поймете».

И я снова испытал прилив негодования, смешанного с недоумением. С таким же успехом директор мог сказать, что религия, может быть, и ложь, но кому какое дело, если она надежный источник утешения. Какая низость. Мне тогда было почти тринадцать, и я превращался в типичного несносного умника. Я еще не слышал о Фрейде (хотя знакомство с Фрейдом помогло бы мне понять поведение директора), но в ту минуту мне словно пригрезилось его эссе «Будущее одной иллюзии».

Это затянувшееся вступление призвано убедить вас, что я не из тех, кто потерял всякий шанс на здоровую религиозную веру из-за психологической травмы или топорной промывки мозгов. Я знаю, что миллионам людей пришлось пережить подобное, и считаю, что религия может и должна нести ответственность за причиненные страдания. (Совсем недавно мы видели, как католическая церковь запятнала себя чудовищным грехом сексуального насилия над детьми.) Однако и другие, нерелигиозные организации виноваты в похожих или даже в более страшных преступлениях.

Остаются четыре фундаментальных возражения против религиозной веры. Во-первых, она представляет в ложном свете происхождение человека и вселенной. Во-вторых, из-за этого исходного заблуждения она умудряется скрещивать верх раболепия с верхом нарциссизма. В-третьих, она одновременно является результатом и причиной опасного подавления сексуальности. И, наконец, в ее основе лежит элементарное стремление выдать желаемое за действительное.

Не вижу никакой самонадеянности в утверждении, что я открыл для себя все четыре возражения (а также заметил одно более вульгарное и очевидное

обстоятельство: люди, оказавшиеся у власти, используют религию для ее укрепления) еще до того, как у меня начал ломаться голос. Я убежден, что миллионы других людей пришли к таким же выводам примерно таким же путем. Я встречал таких людей в сотнях городов и десятках стран. Многие из них никогда не верили в бога; многие оставили веру после трудной борьбы. Многие из них пережили мгновения ослепляющего сомнения, которые наступили столь же молниеносно, как прозрение апостола Павла по дороге в Дамаск, хотя и меньше напоминали эпилепсию и содержали меньше апокалипсических видений (и позднее оказались более обоснованны и с рациональной, и с нравственной точки зрения). Главная отличительная черта моих единомышленников в том, что наша вера — не вера. Наши принципы — не религия. Мы не полагаемся исключительно на науку и разум, ибо они лишь необходимые, а не достаточные условия, но мы с подозрением относимся ко всему, что противоречит науке или оскорбляет разум. Мы можем во многом не соглашаться, но нас объединяет уважение к свободе мысли, непредвзятости и поиску ответов ради самих ответов. Мы не догматичны в наших убеждениях: расхождения во взглядах профессора Стивена Гулда и профессора Ричарда Докинза на «квантовую эволюцию» и пробелы в последарвиновской теории могут быть сколь угодно велики и глубоки, но мы разрешим эти противоречия при помощи фактов и логики, а не путем взаимного отлучения от церкви. (Мои собственные претензии к профессору Докинзу и Дэниелу Деннету, вызванные их тошнотворным предложением, что атеисты должны самодовольно присвоить себе имя «светлые головы» (brights), — тоже часть продолжающегося спора.) Нам

знакома сила чуда, тайны и благоговения: у нас есть музыка, живопись и литература, и мы находим, что Шекспир, Толстой, Шиллер, Достоевский и Джордж Элиот справляются с глубокими нравственными вопросами гораздо лучше, чем нравоучительные мифы из священных книг. Разум и — за неимением лучшей метафоры — душу питает литература, а не Писание. Мы не верим ни в рай, ни в ад, но никакая статистика не покажет, что без этих посулов и угроз мы совершаем больше преступлений на почве жадности или больше актов насилия, чем верующие. (Более того, если бы сбор точной статистики по этому вопросу вообще был возможен, я уверен, факты показали бы обратное.) Мы понимаем, что жизнь конечна и что наше единственное бессмертие — в наших детях, и мы рады уступить им свое место в этом мире. Мы не исключаем, что люди, осознавшие, как коротка и тяжела их жизнь, возможно, будут добрее друг к другу, а не наоборот. Мы можем сказать с уверенностью, что нравственная жизнь возможна без религии. Мы также знаем, что верно и обратное: под властью религии слишком многие не просто вели себя не лучше других, но присуждали себе право совершать поступки, которые вызвали бы негодование даже у владельца борделя или военного преступника.

Важнее всего, пожалуй, то, что нам, неверным, не нужно постоянно подстегивать свое неверие. Именно нас имел в виду Блез Паскаль, обращаясь к тем, кто говорит: «Я так устроен, что не способен верить в бога». В деревне Монтелье, во время очередного разгула средневековой инквизиции, одну из обвиняемых спросили, кто ее научил еретическим сомнениям по поводу ада и воскрешения. Женщина, вероятно, понимала, что ей грозит долгая мучительная

смерть от рук блюстителей веры, но все же ответила, что никто ее не учил, и до всего она додумалась сама. (Нередко слышишь, как верующие воздают хвалу простоте своих собратьев, но естественное здравомыслие и ясность рассудка этой женщины остаются без похвалы. Эти качества были затоптаны и выжжены каленым железом у такого числа людей, что на одно их перечисление не хватит целой жизни.)

Нам нет нужды собираться каждый день или каждый седьмой день, или в какой бы то ни было знаменательный день, чтобы вещать о своей праведности или каяться, упиваясь собственным ничтожеством. Нам, атеистам, не требуются ни священники, ни церковная иерархия, следящая за чистотой догмы. Нам отвратительны жертвоприношения и ритуалы, а с ними мощи и поклонение любым изображениям или предметам (даже если эти предметы имеют вид одного из самых полезных человеческих изобретений — книги). Ни один уголок Земли для нас не более «свят», чем другой. Тщеславной нелепости паломничества и откровенному ужасу кровопролития во имя какой-нибудь священной стены, пещеры, гробницы или камня мы противопоставляем то неспешные, то нетерпеливые шаги по залам библиотек и галерей или обед с хорошим другом — всегда в поисках красоты и истины. Если мы ищем всерьез, некоторые из наших прогулок среди книжных полок и картин, некоторые из наших обеденных бесед непременно сведут нас с верой и верующими: от великих художников и композиторов, черпавших вдохновение в религиозной тематике, до святого Августина, Фомы Аквинского, Маймонида и Джона Ньюмана. Эти могучие умы могли писать мерзости и глупости, могли быть до смеш-

ного невежественны в том, что касается истинной причины болезней или места Земли в Солнечной системе, не говоря уже о вселенной, но именно по этой причине подобных им больше нет и никогда не будет. Последние слова, в которых еще был смысл, благородство или вдохновение, религия произнесла очень давно. В лучшем случае, она переродилась в достойный восхищения, но расплывчатый гуманизм таких людей, как Дитрих Бонхеффер, храбрый лютеранский пастор, повешенный нацистами за нежелание им пособничать. Мы больше не увидим никого, подобного пророкам и мудрецам древности. Культы наших дней всего лишь отголоски дней минувших, иногда доходящие до крика, в попытке заглушить ужасающую пустоту веры.

Некоторые апологеты религии (можно вспомнить Паскаля) по-своему блистательны; некоторые (здесь нельзя не упомянуть Клайва Льюиса) занудны и нелепы. Но и тех, и других объединяет непосильная тяжесть их ноши. Какие нужны усилия, чтобы обосновать невероятное! Ацтеки каждый день вспарывали по грудной клетке, чтобы солнце не передумало всходить. Монотеистам полагается клянчить милости у своего божества еще чаще, возможно, по причине глухоты последнего. Сколько плохо скрытого тщеславия нужно, чтобы мнить себя центром божественного плана? Сколько собственного достоинства нужно принести в жертву, чтобы без усталости ползать на брюхе, вымаливая отпущение грехов? Сколько требуется ненужных допущений и натяжек, чтобы «подстраивать» каждое новое научное открытие под откровения древних идолов, придуманных самим человеком? Сколько святых, сколько чудес, соборов и конклавов необходимо, чтобы сначала провозгласить догму, а затем — после бесчис-

ленных страданий, утрат, абсурда и жестокости — эту догму отвергнуть? Бог не создавал человека по образу и подобию своему. Все было как раз наоборот. Отсюда повсеместное обилие богов и религий (и межконфессионального братоубийства), столь замедлившее развитие нашей цивилизации.

Преступления на религиозной почве происходили и происходят не потому, что мы порочны, а потому, что наш вид, по своей биологической природе, лишь отчасти рационален. Эволюция оставила наши предлобные доли слишком маленькими, а наши надпочечники слишком большими; наши репродуктивные органы, судя по всему, разрабатывала правительственная комиссия. Такая гремучая смесь, сама по себе или вместе с другими ингредиентами, не может не привести к несчастьям и расстройвам. И все же есть огромная разница между усердием верующих и не менее ревностным трудом таких людей, как Дарвин, Хокинг и Крик. Даже их заблуждения, их неизбежные предрассудки открывают нам больше, чем любой верующий, который в своей ложной скромности тщится обуздать квадратуру круга и объяснить, каким образом ему, простому созданию Творца, известны замыслы этого Творца. У нас — светских гуманистов, атеистов, агностиков — могут быть эстетические разногласия, но никто из нас не хотел бы отнять у человечества волшебство или утешение. Ни в коем случае. Найдите минутку для потрясающих фотографий, сделанных телескопом «Хаббл», и вы увидите вещи более грандиозные, загадочные и прекрасные — а также более хаотичные, грандиозные и пугающие, — чем любой миф о сотворении мира или о его конце. Прочтите, что пишет Хокинг о «горизонте событий» — теоре-

тической кромке «черной дыры», за которую в теории можно нырнуть и увидеть прошлое и будущее (проблема только в том, что на это, по определению, не хватит «времени»), и вас вряд ли когда еще потрясет Моисей с его жалкой «неопалимой купиной». Полюбуйтесь красотой и симметрией двойной спирали ДНК, закажите полную расшифровку своего генетического кода, и вас ошеломит почти безупречное совершенство, составляющее саму суть вашей жизни. В то же время вам (надеюсь) будет приятно убедиться, как много общего у вас с другими человеческими племенами (место «расы» в одной мусорной корзине с «сотворением мира»). Вам будет интересно узнать, сколько всего роднит вас и с животным миром. Вы наконец сможете испытать подлинное смирение перед лицом своего творца, который, как выясняется, вовсе не личность, а процесс мутаций, включающий гораздо больше случайностей, чем хотелось бы нашему самолюбию. Всех этих тайн и чудес с лихвой хватит любому млекопитающему. Самый образованный человек в современном мире вынужден признать, что знает все меньше и меньше, но, по крайней мере, о все большем и большем.

Что до утешения (раз уж приверженцы религий так настаивают, что вера удовлетворяет эту якобы насущную потребность), я скажу лишь, что продавцы много утешения — мнимые друзья. Кроме того, критики религии ведь не просто отрицают, что религия способна утолять боль. Они предостерегают против эффекта плацебо и подкрашенной водицы. Пожалуй, самое ходовое злоупотребление цитатой в новейшей истории (во всяком случае, в данном контексте) — это утверждение, что Маркс пренебрежительно называл

религию «опиумом народа». На самом деле отпрыск рода раввинов прекрасно понимал силу религиозной веры и в статье «К критике гегелевской философии права» писал следующее:

Религиозное убожество есть в одно и то же время выражение действительного убожества и протест против этого действительного убожества. Религия — это вздох угнетенной твари, сердце бессердечного мира, подобно тому как она — дух бездушных порядков. Религия есть опиум народа.

Упразднение религии, как иллюзорного счастья народа, есть требование его действительного счастья. Требование отказа от иллюзий о своем положении есть требование отказа от такого положения, которое нуждается в иллюзиях. Критика религии есть, следовательно, в зародыше критика той юдоли плача, священным ореолом которой является религия.

Критика сбросила с цепей украшавшие их фальшивые цветы — не для того, чтобы человечество продолжало носить эти цепи в их форме, лишенной всякой радости и всякого наслаждения, а для того, чтобы оно сбросило цепи и протянуло руку за живым цветком*.

Как видим, дело тут не в искажении цитаты, а в довольно грубой попытке представить в ложном свете философские аргументы против религии. Тех, кто до сих пор верил рассказам священников, имамов и раввинов о том, что думают неверующие, в моей книге ждет еще немало сюрпризов. Возможно, они научатся сомневаться в том, что им говорят, — научатся не принимать услышанное «на веру». В чем, собственно, и заключается решение проблемы.

* Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 414–415.

Маркс и Фрейд, надо признать, не были ни врачами, ни представителями точных наук. Лучше воспринимать их как великих, хотя и часто заблуждавшихся эссеистов с прекрасным воображением. Иными словами, когда картина мира меняется, я не считаю зазорным критиковать свои былые заблуждения. И я принимаю то, что некоторые противоречия останутся противоречиями, некоторые проблемы окажутся не по силам коре больших полушарий млекопитающего под названием «человек», а некоторые вещи просто непознаваемы. И конечность, и бесконечность вселенной, если они когда-нибудь будут доказаны, для меня одинаково непредставимы. Я встречал немало людей гораздо мудрее и умнее себя, но не знаю никого, чьей мудрости или интеллекта в этом вопросе оказалось бы достаточно.

Таким образом, самый умеренный аргумент против религии одновременно и самый радикальный, и самый обезоруживающий: религия — человеческое изобретение. Ее изобретатели не могут договориться даже о том, что же на самом деле сказали или сделали их спасители, пророки и гуру. И уж тем менее способны они объяснить нам «значение» позднейших открытий, которые поначалу тормозились или проклинались их религиями. Однако послушайте современных верующих: они по-прежнему знают! Да не просто знают, а знают все. Не просто знают, что бог существует, что он создал и держит под контролем все на свете, но знают, чего «он» хочет от нас, включая наш рацион, ритуалы и взгляды на секс. Иными словами, в необозримой, запутанной дискуссии, благодаря которой мы узнаем все больше и больше о все меньшем и меньшем, при этом робко надеясь на постепенное просветление,

есть сторона, которая сама состоит из враждующих групп, но имеет наглость утверждать, что вся необходимая информация у нас уже есть. Одно такого сочетания клинической глупости с гордыней вполне достаточно, чтобы исключить «веру» из обсуждения. Тот, кто претендует на божественную истину в последней инстанции, болен детской болезнью вида гомо сапиенс. Прощание с детством может быть долгим, но оно уже началось и, как всякие проводы, затягивать его не следует.

По мне едва ли скажешь, что я придерживаюсь таких взглядов. Я, пожалуй, чаще засиживался допоздна с верующими друзьями, чем с любимыми другими. (Друзья эти часто называют меня «ищущим человеком», что, конечно, раздражает. Даже если я «ищущий человек», ищу я совсем не то, что они думают.) Если бы я вернулся в Девон, где лежит в забытой могиле миссис Уоттс, я бы непременно присел помолчать в уголке какой-нибудь кельтской или саксонской церквушки. (Стихотворение Филипа Ларкина «В церкви» прекрасно передает мои чувства.) Когда я писал книгу о Джордже Оруэлле — человеку, который был бы моим героем, будь у меня герои, — меня огорчила черствость, с которой он говорит о сожжении церкви в Каталонии в 1936 году. Задолго до торжества монотеизма Софокл показал, что отвращение Антигоны к святотатству — свидетельство человечности. Пусть правоверные сами жгут друг другу церкви, мечети и синагоги. За ними дело не станет. А я разубаюсь, когда вхожу в мечеть. Я покрываю голову, когда иду в синагогу. Как-то раз в Индии я даже соблюдал правила ашрама, хотя это и было для меня настоящим испытанием. Мои родители не навязывали мне никакой религии. Наверное,

мне повезло, что у отца не было особо теплых воспоминаний о его строгом баптистско-кальвинистском воспитании, а мать (отчасти ради меня) предпочла ассимиляцию своему иудейскому наследию. Моего знакомства со всеми человеческими верованиями хватит с лихвой, чтобы всегда и везде оставаться неверным, но все же мой атеизм имеет протестантский привкус. Когда я впервые не согласился с религией, я не согласился с дивной литургией на стихи из Библии короля Якова и молитвенника Кранмера (современная англиканская церковь в приступе кретинизма отказалась от них). Мой отец похоронен в часовне с видом на Портсмут — в той самой, где накануне высадки в Нормандии молился о победе генерал Эйзенхауэр. В день похорон отца я говорил с кафедры часовни. Я выбрал отрывок из послания Савла Тарсянина (впоследствии названного «святым Павлом») Филиппийцам (глава 4, стих 8):

Наконец, братия мои, что только истинно, что честно, что справедливо, что чисто, что любезно, что достойно, что только добродетель и похвала, о том помышляйте*.

Я выбрал это наставление за его недосказанность, которая не отпускает меня и будет со мной в последний час, за его в целом светский характер и за то, что оно так выделяется на безжизненном фоне проклятий, стений, вздора и угроз, которые его окружают.

Спор с религией — источник и основа всех споров, потому что в нем начало (но не конец) философии, науки, истории и познания человеческой природы.

* Здесь и далее синодальный перевод. — *Прим. пер.*

Бог не любовь

В нем же начало (но отнюдь не конец) всей полемики о добродетели и справедливости. Религия неискоренима именно потому, что наша эволюция продолжается. Религия не отомрет, пока мы не перестанем бояться смерти, темноты, неизвестности и друг друга. Поэтому я не стал бы запрещать ее, даже если бы мог. Какое великодушие, скажете вы. Но подумайте: будут ли правоверные столь же снисходительны ко мне? Я задаю этот вопрос, потому что между мной и моими верующими друзьями есть одно существенное отличие, и настоящим друзьям хватает честности признать его. Я не прочь ходить на бар-мицвы их детей, восхищаться их готическими соборами, «уважать» их веру в то, что Коран был надиктован (пускай исключительно по-арабски) неграмотному торговцу, и интересоваться воззрениями виккан, индуистов и джайнов. Более того, я буду делать это, даже не настаивая на том, чтобы они, в порядке ответной любезности, не мешали жить мне. Религия, увы, не способна на такую любезность. Пока я пишу эти слова, пока вы их читаете, правоверные изобретают новые способы уничтожить и меня, и вас, и добытые тяжким трудом достижения человеческой цивилизации, о которых я здесь говорил. Религия отравляет все, к чему прикасается.

Глава вторая

Религия убивает

Его отвращение к религии в общеупотребительном смысле сего слова было сродни отвращению Лукреция: он питал к ней чувства, какие надлежит испытывать не просто к заблуждению, но к великому злу. Он видел в ней величайшего врага нравственности. Во-первых, полагал он, религия провозглашает фальшивые доблести — веру в догмы, набожность и церемонии, не служащие благу человечества, — и насаждает их вместо подлинных добродетелей. Хуже того, она полностью выхолащивает мерило нравственности, отождествляя его с исполнением воли существа, каковое хотя и осыпает всеми выраженьями подобострастия, но на самом деле рисует совершенным чудовищем.

*Джон Стюарт Милль о своем отце
в «Автобиографии»*

Tantum religio potuit suadere malorum.*

Тит Лукреций Кар. О природе вещей

Представьте, что вы способны на интеллектуальный культизм, который никак не дается мне. Представьте, иными словами, что вы способны вообразить бесконечно благого и всемогущего творца, который вас

* Вот к злодеяниям каким побуждала религия смертных (лат.). — Пер. Ф. Петровского.

придумал, создал, поместил в приготовленный для вас мир, и теперь следит за вами и думает о вас, даже когда вы спите. Далее, представьте, что при условии соблюдения правил и заповедей, которые он вам заботливо предписал, вы заслужите вечное блаженство и покой. Не скажу, что вера в такое вызывает у меня зависть (на мой взгляд, она слишком похожа на тоску по вечной диктатуре), но меня гложет искреннее любопытство. Почему эта вера не приносит счастья тем, кто ее исповедует? Разве они не считают себя обладателями чудесного секрета, за который, как за спасительную соломинку, можно уцепиться даже в самую трудную минуту?

Поверхностному взгляду иногда кажется, что так оно и есть. Я видел евангелические богослужения — и в белых, и в афроамериканских приходах — которые напоминали один сплошной вопль восторга по поводу спасения, божественной любви и всего остального. У всех христиан и почти у всех язычников найдется немало обрядов, задуманных, как всеобщий праздник (именно поэтому я нахожу их подозрительными). Есть, конечно, и другие моменты, более сдержанные, более утонченные и трезвые. Когда я был прихожанином греческой православной церкви, я и не веруя чувствовал радость слов, которыми обмениваются верующие в пасхальное утро: «Христос анести!» («Христос воскрес!») — «Алитос анести!» («Воистину воскрес!») Стоит добавить, что прихожанином греческой православной церкви я был по причине, которая многих заставляет соблюдать те или иные религиозные обряды: я хотел угодить своей греческой теще и своему греческому тестю. Архиепископ, который крестил и венчал меня в один и тот же день, заработав таким образом

вдвое больше обычного, позднее активно поддерживал и собирал деньги для единоверцев и военных преступников по имени Радован Караджич и Ратко Младич, чьими стараниями заполнены бесчисленные братские могилы по всей Боснии. Когда я женился в следующий раз, меня венчал раввин-реформист, имевший слабость к Эйнштейну и Шекспиру. С этим человеком у меня было немного больше общего. Но даже он отдавал себе отчет в том, что его гомосексуализм, в принципе, есть тяжкое преступление, за которое основатели его религии забивали людей камнями. Что до англиканской церкви, в которой я прошел свое первое крещение, то в наши дни она может показаться жалкой овечкой. Но как прямая наследница организации, всегда имевшей тесные связи с монархией и получавшей финансовую поддержку от государства, она несет историческую ответственность за крестовые походы, за гонения на католиков, евреев и диссентеров, а также за борьбу против научного познания.

Градус религиозного пыла колеблется в зависимости от страны и эпохи, но можно смело утверждать, что религия никогда не довольствуется, да и не может довольствоваться своими замечательными догмами и грандиозными обещаниями. Природа религии вынуждает ее вмешиваться в жизни неверующих, еретиков и последователей других вероучений. Она может разглагольствовать о блаженстве в мире ином, но хочет власти в мире этом. Здесь нет ничего удивительного. Религию, как мы помним, придумали люди. Недостаток уверенности в собственной пропаганде она компенсирует нетерпимостью к конкурентам.

Для примера возьмем одну из наиболее почитаемых фигур современной религии. В 1996 году в Ир-

ландии прошел референдум по одному вопросу: должна ли конституция республики и впредь запрещать развод. Большинство политических партий все более светской страны призывали избирателей поддержать отмену запрета. У них было два превосходных аргумента. Во-первых, говорили они, несправедливо навязывать всем гражданам католическую мораль; во-вторых, о воссоединении страны не может быть и речи, пока значительное протестантское меньшинство в Северной Ирландии продолжает опасаться клерикального правления. Мать Тереза прилетела прямо из Калькутты, чтобы помочь церкви вести кампанию за сохранение запрета. Из этой кампании выходило, что ирландка, которую бьет муж-пропойца, насилующий собственных детей, не достойна лучшей доли и рискует угодить в ад, если будет вымаливать шанс начать все сначала. Что до протестантов, они могли выбрать благословение Рима или оставаться за пределами страны. То, что католики могут соблюдать наказания своей церкви, не навязывая их всем остальным, даже не обсуждалось. И это, заметьте, Британские острова, конец XX века. Сторонники изменения конституции все-таки победили, но с минимальным перевесом. (В том же году мать Тереза публично выразила надежду, что принцесса Диана вздохнет с облегчением, вырвавшись из явно неудачного брака. Впрочем, мало кто удивляется, если церковные правила оказываются строже к бедным, чем к богатым.)

За неделю до 11 сентября 2001 года я участвовал в публичной дискуссии с Деннисом Прагером, одним из известнейших религиозных телеведущих в Америке. Он спросил, готов ли я «дать прямой ответ на прямой вопрос». Я с радостью согласился. Прекрасно,

сказал он, и попросил меня представить, что я нахожусь в незнакомом городе. Вечереет. Навстречу мне движется большая группа мужчин. Итак, вопрос: чувствовал бы я себя безопасней, зная, что мужчины эти возвращаются с вечерней молитвы? Как видите, на этот вопрос трудно дать прямой ответ. Однако мне удалось вывести его из гипотетической плоскости: «Не заходя дальше первых букв алфавита, я бывал в такой ситуации в Белфасте, Бейруте, Бомбее, Белграде, Багдаде и Вифлееме. Я абсолютно уверен, и у меня есть на то причины, что в каждом городе я бы напугался до смерти, попадись мне в сумерках мужчины, идущие с религиозной службы».

Здесь уместно краткое описание боговдохновенной жестокости, свидетелем которой я был в этих шести городах. В Белфасте я видел улицы, выжженные двумя враждующими христианскими сектами. Я разговаривал с людьми, родных и друзей которых похитили отряды смерти, чтобы убить или пытать, нередко за одну лишь принадлежность к другой церкви. В Белфасте ходит старый анекдот про человека, которого останавливают на дороге и спрашивают, в какую церковь он ходит. Когда он отвечает, что он атеист, его спрашивают: «А какой атеист? Протестантский или католический?» Этот анекдот, на мой взгляд, показывает, насколько религиозная истерия отравила даже знаменитое ирландское чувство юмора. Более того, мой знакомый однажды попал в такую ситуацию на самом деле, и смею вас заверить: ему было не до смеха.

Считается, что конфликт в Северной Ирландии имеет национальные причины, но во время уличных столкновений враждующие стороны обзывают

друг друга по конфессиональной принадлежности. В течение многих лет протестантская элита мечтала о католических гетто. Идея независимого Ольстера родилась под лозунгом «Протестантский парламент для протестантского народа!» Сектантство заразно и неизбежно плодит ответное сектантство, и католическая элита была согласна с протестантами в главном. Она требовала сегрегации и школ под церковным патронажем, т. е. упрочения своей власти. Так, во славу Господню, застарелая вражда вдалбливалась и продолжает вдалбливаться в головы новых поколений школьников. (Мне делается дурно уже от одного слова «вдалбливать»: оно напоминает мне о раздробленных коленных чашечках тех, кто перешел дорогу религиозным бандитам.)

Бейрут, каким я впервые увидел его летом 1975 года, еще подходил на роль «Парижа Востока». Однако этот кажущийся Эдем кишел всеми мыслимыми видами змей. Бейрут страдал от явного избытка религий, и каждая из этих религий имела свое место в конституции. Пост президента, согласно конституции, должен был занимать христианин, чаще всего католик-маронит, спикером был мусульманин, и т. д. Эта система никогда толком не работала, поскольку законодательно закрепляла не только вероисповедание, но также положение в обществе и национальность (мусульмане-шииты находились на самом дне социальной лестницы, а курдам вообще не было места).

Главной христианской партией была вооруженная католическая группировка под названием «Фаланга», основанная маронитом по имени Пьер Жемайель, который в 1936-м побывал на гитлеровской Олимпиаде в Берлине и вернулся под большим впечатлением.

Впоследствии «Фаланга» прославилась резней палестинских беженцев в Сабре и Шатиле, осуществленной по приказу генерала Шарона. Сотрудничество генерала-еврея с фашистской партией может показаться абсурдом, но их объединил общий враг: мусульмане. Израильское вторжение в Ливан в том же году привело к рождению «Хезболлы». Новое движение скромно именовало себя «Партией Бога», мобилизовало шиитскую бедноту и постепенно поставило ее под контроль иранской теократии, воцарившейся тремя годами ранее. Именно там, в прекрасном Ливане, научившись у организованной преступности искусству похищать людей, правоверные не остановились на достигнутом и познакомили нас с прелестями терроризма в исполнении смертников. Никогда не забуду оторванную голову на дороге у полуразрушенного французского посольства. В общем, завидев мужчин, идущих с молитвы, я обычно переходил на другую сторону улицы.

Как и Бейрут, Бомбей, с его величественной колониальной архитектурой, в ожерелье огней вдоль серпантина улиц, когда-то считался жемчужиной Востока. Немногие индийские города могли сравниться с ним в культурном многообразии. Его богатая палитра изобретательно отражена в романах Салмана Рушди (прежде всего, в «Прощальном вздохе мавра») и фильмах Миры Наир. В Бомбее и раньше вспыхивало религиозное насилие, а именно в 1947–1948 годах, когда историческое движение за независимость Индии пало жертвой сепаратистских требований мусульман и того, что во главе Индийского национального конгресса стоял истово верующий индуист. Но и во время этого приступа религиозной кровожадности Бомбей, веро-

ятно, приютил столько же беженцев, сколько породил. Разные культуры и после мирно жили бок о бок, как это часто бывает в городах, открытых морю и влияниям извне. Заметную роль в жизни города играли парсы (потомки зороастрийцев, некогда бежавших от гонений в Персии), а также исторически значимая еврейская диаспора. Но такое положение дел не устраивало г-на Бала Теккерей и националистов из его движения «Шив Сена Хинду». В 1990-е годы г-н Теккерей решил, что управлять Бомбеем должен он и его братья по вере, и спустил с цепи армию бандитов и головорезов. В порядке демонстрации собственной власти он приказал переименовать город в Мумбай, и отчасти поэтому Бомбей фигурирует в моем списке под своим традиционным названием.

Белград до конца 1980-х был столицей Югославии, страны южных славян, а значит столицей государства, которое населяли люди разных национальностей и вероисповеданий. Но один хорватский интеллектуал светского толка как-то сказал мне с горьким юмором вполне в ирландском духе: «Когда я говорю, что я атеист и хорват, люди спрашивают, а чем я докажу, что не серб». Иными словами, быть хорватом значит быть католиком. Быть сербом значит быть православным. В 1940-е годы это разделение вдохновляло политику марионеточного правительства, организованного нацистами в Хорватии под покровительством Ватикана. Помимо естественного стремления истребить всех местных евреев, хорватские нацисты вели политику принудительного обращения православных в католичество. Десятки тысяч православных были убиты или депортированы, а возле городка Ясеновац возник гигантский концентрационный лагерь. Режим